

MONA KASTEN

SAVE
US

Посвящается Анне

*Doesn't today feel like a day to be certain?
Certain, yet to decide.*

Gersey, A Day To Be Certain

1

Грэхем

Мой дед раньше всегда спрашивал меня: «Если настанет день, когда ты все потеряешь — что будешь делать?» Я никогда всерьез не обдумывал этот вопрос и всякий раз отвечал первое, что в тот момент приходило в голову.

Когда мне было шесть лет и брат умышленно сломал наш игрушечный экскаватор, мой ответ выглядел так: *Тогда я почищу экскаватор.*

В десять, когда мы переехали из Манчестера в пригород Лондона, я упрямо твердил: *Тогда я найду себе новых друзей.*

А когда умерла мама, я, семнадцатилетний, пытался быть сильным для моих отца и брата и все повторял: *Мы справимся.*

Даже тогда я не сдавался.

Но вот теперь, в мои почти двадцать четыре, в этом кабинете, где я вдруг почувствовал себя каким-то преступником, у меня не было ответа. Моя ситуация казалась мне безвыходной, а будущее неопределенным. Я не знаю, что теперь будет.

Я выдвинул скрипучий ящик тяжелого письменного стола вишневого дерева и достал оттуда ручки и записные книжки, сгруженные туда в прошлом году. Мои движения

заторможенные, руки будто налиты свинцом. Притом надо спешить: я должен покинуть здание до конца обеденного перерыва.

Вы уволены безотлагательно. Я запрещаю Вам любой контакт с учащимися Макстон-холла. В случае нарушения этого запрета на Вас будет подано заявление в полицию.

Ручки выпали у меня из рук и со стуком упали на пол.
Проклятье.

Я наклонился, собрал их и небрежно бросил в коробку, куда уже поместил остальные пожитки. Это дикая неразбериха из учебников, записок, старого глобуса моего деда и методических материалов, которые я скопировал на завтра и теперь, собственно, мог бы их выбросить, но рука не поднимается.

Я окинул кабинет быстрым взглядом. Полки пустые, только лежащие на столе обрывки бумаги напоминают о том, что еще несколько часов назад я здесь работал.

Ты сам виноват, — звучит в голове чей-то злобный голос.

Я потер пульсирующие виски и еще раз проверил все выдвижные ящики и отделения в письменном столе. Я не должен затягивать свое прощание дольше, чем необходимо, но расстаться с этим местом стоит мне бóльших сил, чем я мог подумать. Я еще несколько недель назад принял решение искать работу в другой школе, чтобы можно было видеться с Лидией. Однако есть огромная разница — уходишь ты на своих условиях или же тебя выводит наружу служба безопасности.

Я сглотнул обиду и снял пальто с деревянной вешалки. Машинально надел его, подхватил коробку и пошел к двери. Не оглядываясь, я вышел из кабинета.

В моей голове крутилась куча вопросов: *Знает ли об этом Лидия? Как она себя чувствует? Когда я теперь ее сно-*

ва увижу? Что мне теперь делать? Примут ли меня на работу в школу? А что, если нет?

Ни на один из них я не мог ответить. Вместо этого я вытеснил поднышающую внутри панику и пошел по коридору в сторону секретариата, чтобы сдать ключи. Мимо меня пробегали ученики, некоторые приветливо здоровались. Болезненные покалывания наполнили все мои внутренности. Мне с трудом удалось отвечать на встречные улыбки. Преподавать здесь доставляло мне огромное удовольствие.

Я свернул в холл секретариата, и тут на меня будто опрокинули ушат холодной воды. Я остановился так резко, что сзади на меня кто-то наткнулся и пробормотал извинения. Но я едва различал слова — мой взгляд был устремлен на рослого русоволосого молодого человека, которому я обязан всей этой ситуацией.

Джеймс Бофорт и глазом не повел, увидев меня. Напротив, вид его показался мне вполне безучастным, как будто не он только что разрушил мою жизнь.

Я знал, на что он способен. И понимал, что это плохая идея — вступать с ним в конфликт. «Он и его друзья непредсказуемы, — предупреждал меня Лексингтон в мой первый день в школе. — Примите это в расчет». Я тогда почти не придавал его словам значения, потому что уже знал другую сторону истории. Лидия рассказала мне, как сильно этот мальчик страдает от своей семьи, как он замкнут даже перед своей сестрой.

Оглядываясь назад, я чувствую себя идиотом, потому что не был осторожнее. Мне следовало бы помнить: Джеймс сделает для Лидии все. Вероятно, крах моей карьеры в его распорядке дня не более чем пустяк.

Рядом с Джеймсом стоял Сирил Вега, которому мне, к счастью, не приходилось преподавать. Не знаю, удалось

бы тогда оставаться в рамках профессиональной этики. Всякий раз при виде него перед глазами возникает картина — он рядом с Лидией. Как они вместе выходят из школы и садятся в «Роллс-Ройс». Как они смеются над чем-то. Как он обнимает ее и утешает после смерти матери, а ведь я этого сделать не мог.

После короткой паузы я стиснул зубы и продолжил свой путь, зажав коробку под мышкой. Держа руку в кармане, я все ближе подходил к ним. Они прервали свой разговор и посмотрели на меня, а лица их превратились в две непроницаемые маски.

Перед дверью секретариата я остановился и повернулся к Джеймсу:

— Теперь ты доволен?

Он не выказал никакой эмоции, и это еще больше подогрело кипевшую во мне ярость.

— О чем вы вообще думали? — спросил я, требовательно глядя на него. Он снова не ответил. — Вы понимаете, что своими детскими проказами разрушаете чужие жизни?

Джеймс переглянулся с Сирилом, и его щеки зарумянились — в точности как у Лидии, когда она сердится. Они так похожи между собой, при этом, на мой взгляд, трудно представить себе двух более разных людей.

— Об этом вам надо было думать раньше, — рявкнул Сирил.

Его глаза сверкнули еще большей яростью, чем глаза Джеймса, и мне в голову пришла мысль, что они, вероятно, сообща разрабатывали план, как вышвырнуть меня из школы.

Взгляд Сирила не оставлял никаких сомнений в том, что из нас двоих только он располагает властью. Он может сделать со мной все, и совершенно неважно, что я старше его.

Он выиграл. Победа была написана у него на лице и отражалась в его гордой осанке.

Я удрученно рассмеялся.

— Меня удивляет, что вы еще можете смеяться, — продолжил он. — Все кончено. Вы изблечены, это вам, собственно, ясно?

Я стиснул связку ключей так крепко, что металлическая бородка врезалась мне в кожу. Неужели этот богатый негодяй действительно думает, что я надеялся на справедливость? Не знал, что никого не интересует, где и когда мы с Лидией познакомились? Что нам никто не поверит, если мы будем уверять, что любили друг друга еще до моего прихода в Макстон-холл? И мы прекратили наши отношения в тот момент, когда узнали, что я стану ее учителем? Разумеется, я это знаю. Отныне и впредь я стану тем мерзким типом, который в самом начале своей учительской карьеры завел шашни со школьницей.

От этой мысли стало дурно.

Не удостоив их обоих еще одного взгляда, я пошел в секретариат. Достал из кармана ключ от своего старого кабинета, со стуком положил его на стойку и развернулся. Проходя мимо этих парней снова, я краем глаза увидел, как Сирил сунул в руку Джеймсу телефон.

— Спасибо за это, старик, — сказал он, а я как можно быстрее направился к выходу.

Лишь попутно я отметил, что Джеймс заговорил в полный голос.

Каждый шаг причинял мне боль, каждый вдох казался невыполнимой задачей. В ушах стоял гул, который почти заглушил все остальные шумы. Смех учеников, их громкие шаги, скрип двустворчатой двери, через которую я покидаю Макстон-холл и ухожу в неизвестность.

Руби

Меня будто оглушили.

Когда водитель автобуса сказала, что мы прибыли на конечную остановку, я даже не сразу поняла, что это вообще означает — пока мне не стало ясно, что я должна выйти, если не хочу уехать назад, в Пемвик. Я не помню последние сорок пять минут, так сильно была погружена в свои мысли.

Мои конечности казались одновременно и тяжелыми, и легкими, когда я сошла по ступенькам автобуса и вышла наружу. Я крепко держалась обеими руками за ремни рюкзака, как будто они давали мне силу. К сожалению, это не помогало избавиться от чувства, будто я попала внутрь смерча, из которого невозможно вырваться, и уже не понимала, где верх и где низ.

Не может быть, чтобы все это произошло на самом деле. Не может быть, чтобы меня вышвырнули из школы. Не может быть, чтобы мама поверила, будто я способна на интрижку с учителем. Не может быть, чтобы моя мечта об Оксфорде растворилась в воздухе.

Мне казалось, я теряю рассудок. Мое дыхание учащается, а пальцы судорожно сжимаются. Я чувствую, как пот стекает по спине, и вместе с тем все тело покрыто гусиной кожей. Кружится голова. Я закрыла глаза и попыталась хоть как-то успокоить дыхание.

Когда я снова открыла их, уже не было такого чувства, будто меня того и гляди вырвет. Впервые после того, как я вышла из автобуса, мир вокруг наконец прояснился. Я проехала на три остановки дальше и нахожусь на другом конце Горнси. В нормальных обстоятельствах я бы ужасно разозлилась на себя. Но я испытывала чуть ли не облегче-

ние, потому что никак не могла появиться дома. После того как мама смотрела на меня такими глазами.

Есть только один человек, с которым я хотела бы сейчас поговорить. Единственный человек, которому я безусловно доверяю и который точно знает, что ничего такого я никогда бы не сделала.

Эмбер.

Я пошла в сторону местной школы. До конца уроков оставалось чуть-чуть, несколько школьников из младших классов шли мне навстречу. Группа мальчишек пыталась столкнуть какого-то бедолагу с узкого тротуара в кусты. Увидев меня, они прекратили возню и прошли мимо, опустив головы, как будто боялись, что я могу наказать их за плохое поведение.

Чем ближе я подходила к школе Гормси, тем страннее себя чувствовала. Два с половиной года назад я сама посещала эту школу. И хотя я не тосковала по тому времени, но снова очутиться здесь все равно что совершить экскурсию в прошлое. Только никто не повернется в мою сторону и не посмотрит на меня, потому что я в форме частной школы.

Я поднялась по ступеням ко входу. Стены здания, которые предположительно были когда-то побелены, теперь пожелтели, с оконных рам облетела краска. Было очевидно, что в последние годы деньги не текли в эту школу рекой.

Я протискивалась мимо школьников, которые рвались наружу встречным потоком, и искала среди их лиц хоть одно знакомое. Вскоре я заметила девушку с двумя косами, заплетенными вокруг головы, выходящую из школы вдвоем с парнем.

— Мэйси! — окликнула я.

Мэйси остановилась в поисках того, кто ее позвал. Заметив меня, она вопросительно подняла брови, дала знак своему другу подождать ее и стала пробираться ко мне.